

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Даниил Жайворонок
Очередь за солнцем на холодном углу, или Наркоанализ
российского общества
5 февраля 2020

knife.media

Зависимость стала, по-видимому, одним из главных слов современности. Мы все на чем-то сидим и на что-то подсажены: на уведомления из мессенджеров и социальных сетей, на потоки информации, скандалы, консьюмеризм, отношения, не говоря уже о легальных и нелегальных психоактивных веществах. Зависимость не только овладевает нами, но и делает нас теми, кто мы есть, — подвижными и неустойчивыми субъектами обществ постпостмодерна. Даниил Жайворонок, автор телеграм-канала «Смерть и мебель», убежден, что именно наркоанализ поможет нам понять современное состояние российского общества и преодолеть некоторые из его конфликтов и противоречий.

ru.anarchistlibraries.net

Очередь за солнцем на холодном углу, или Наркоанализ российского общества

Даниил Жайворонок

5 февраля 2020

Наркоанализ — это анализ, вывернутый наизнанку. Собственно, это даже не анализ, а стиль письма, странный и мутный, где всё оказывается не тем, чем кажется, переворачивается с ног на голову, перетекает из одной формы в другую. Как если бы само письмо превратилось в психоделический трип, но на самом деле осталось всё тем же письмом, просто оказалось, что письмо — это всегда и есть психоделический трип, а последний оказывается лишь способом письма. Или неписьма.

Наркоанализ изобрела Авитал Ронелл, профессорка Университета Нью-Йорка, построившая свою академическую карьеру на чтении и интерпретации Бодлера, Фрейда, Флобера, Пруста, Ницше, Берроуза и прочих известных философов и писателей. А философия и литература, тем более русскоязычная, зачастую так или иначе оказываются связаны с какими-нибудь веществами: морфием, опиумом, кокаином или хотя бы вином.

К тому же Ронелл очень много читала философа Жака Деррида, который, в свою очередь, много рассуждал об упомянутом в диалогах Платона древнегреческом понятии фармакона — то ли наркотика, то ли письма, то ли деконструкции. Этот неуловимый фармакон дает нам знать, что основание всякой культуры таит в себе какую-то непристойную тайну о ней самой.

Какую же тайну? Например, что сама культура — это и есть самый главный, самый важный и самый сильный наркотик. По крайней мере, на таких позициях стоит наркоанализ.

Авитал Ронелл даже придумала выражение «бытие-на-наркотиках», которое означает, что трезвости, по сути, не существует. Что существовать — значит находиться под воздействием чего-то, что не является тобой: языка, истории, технологий, дискурсов, экологии, образов, сетей коммуникации, звуков, институтов, власти. То есть в мире наркоанализа мы все обнаруживаем себя в качестве существ, заброшенных в непрекращающийся психоделический трип, из которого невозможно выбраться и в котором мы сами постоянно перетекаем во что-то другое, пока это другое своим перетеканием формирует нас. Даже смерть — это не путь к невозможной трезвости, а лишь повторное включение в этот бесконечный культурно-биохимический поток реакций, сцеплений, галлюцинаций и приходов.

Собственно, культуру и наркотики, по мнению уважаемых философов, как раз и объединяет невозможность определения.

Что такое культура — вопрос такой же невозможный, как и то, что такое наркотик.

Оба понятия относятся к крайне разнообразным множествам и определяются прежде всего через запрет, исключение, табу. Когда мы говорим о наркотиках или о культуре,

гочисленных сайтов и нездоровое влияние на культуру в целом.

Уже давно понятно, что с помощью запретов наркотики победить невозможно и что на политическом уровне лучше всего их частично регулировать и декриминализировать, сочетая с практиками уменьшения вреда. Для этого сначала нужно слезть с иглы запретов и пересест на какое-то более человеческое лицо. Но наш законодатель явно находится в стадии отрицания, когда он еще не готов признать свою зависимость, распознать ее источник и ее разрушительные последствия для политического и культурного тела страны.

Проблема наркотиков комплексна и многогранна, а их роль в формировании культуры существенна. Если следовать за размышлениями Деррида и Ронелл, понимание этого приведет к тому, что сама идея войны с наркотиками или их запрета начнет казаться абсурдной. В конце концов, можно говорить и о том, что наркотиков не существует, и о том, что всё есть наркотик.

В любом случае важно то, что за этим понятием зачастую скрывается множество совершенно разных веществ, эффектов, ситуаций, историй и дискурсов. Вместо того чтобы всех стричь под одну гребенку, нужно начать разбираться и дифференцировать. Если культура — это воображаемый трип, то нам нужно прекратить обреченную на провал, параноидальную попытку его запретить и сосредоточиться на том, чтобы сделать его безопаснее и интереснее для всех.

вития. Сначала ты запрещаешь понемногу. Первый запрет кажется каким-то суперправильным, тебя дико вставляет. Появляются эйфория и экстаз. Общество ощущает эффект «вставания с колен», его самооценка растет, проблемы кажутся менее важными, а собственные силы и значение увеличиваются. Но со временем эффект начинает улетучиваться, и необходима новая доза. Причем она должна быть больше первой, и ты начинаешь запрещать всё больше и больше.

В какой-то момент это уже становится проблемой: чтобы получить хоть какой-то эффект, нужно сильно увеличивать количество употребляемого наркотика. Ты начинаешь запрещать «Свидетелей Иеговы», исследовательские центры, университеты, «Незнайку на Луне», постоянно хочешь запрещать каких-нибудь классиков, уже подумываешь о том, а не запретить ли, например, интернет. Запретить перечеркнутые свастики и перечеркнутые, запретить критику власти в интернете (продолжая думать о запрете самого интернета), запретить ученым встречаться с иностранными коллегами, запретить полеты в Грузию, запретить Хеллоуин, запретить хостелы, запретить по второму разу то, что уже запрещено. Кайф.

Парадокс, но моральная паника по поводу ПАВ, которая распространяется в российском обществе и выливается в новые формы запретов, сама может рассматриваться как наркотик.

Причем он имеет ярко выраженные негативные последствия: запрет хороших книг и фильмов, блокировка мно-

мы прежде всего говорим о норме, о границе между дозволенным и недозволенным, которая исторически подвижна и изменчива. Вчера кокаин был частью медицинской культуры как лекарство от простуды и тонизирующее средство, а сегодня попал в список запрещенных веществ. А завтра, может, из него выйдет — или сам список запрещенных веществ запретят, и он будет подпольно циркулировать в тайных эзотерических обществах, одним своим видом вызывая экстатическую интоксикацию своих адептов и адептов.

Поскольку культуру и наркотики сложно определить, то и отделить их друг от друга сложно. Философ Мишель Фуко когда-то заявил, что самое сексуальное — это вовсе не сам секс, а именно обсуждение сексуальности, письмо сексуальности, ее исследование, ее проговаривание. Это относится и к наркотикам. Самый сильный ПАВ — это не порошок, марка или колесо, а именно дискурс о наркотиках. В каком-то смысле мы всегда подсаживаемся не только и не столько на вещество, сколько на дискурс. Поэтому, чтобы понять, на чем сидит тот или иной человек или даже общество, нужно посмотреть, что они обсуждают.

В этом отношении российская культура чрезвычайно интересна для наркоанализа. С одной стороны, в последнее время на поп-сцене доминирует хип-хоп, а исполнительницам и исполнителям этого жанра просто невозможно обойтись без упоминания если не спайса, то хотя бы бланта. С другой стороны, даркнет-маркетплейсы, которые специализируются на продаже запрещенных веществ (например, RAMP и, после его закрытия, Hydra), сами по себе стали значимыми культурными явлениями, про которые не только говорят и пишут, но и снимают, например, документалки.

Без сомнения, будущие историки повседневности будут описывать середину 2010-х как «эпоху закладок».

В телеграме и в других соцсетях появляется всё больше наркоблогов. Этот жанр предполагает в основном повторение одного и того же. Однообразность постов связана вовсе не с опытом, а с дискурсивным каноном, который ограничивает и то, что может быть рассказано, и то, как это может быть рассказано. Здесь всё держится на описаниях трипов, обсуждении закладок, цен в даркнете, сравнении эффектов разных веществ, советах по уменьшению вреда и сохранению здоровья (забота о себе) и рассказов об опыте борьбы с зависимостью, которая почти всегда оказывается неудачной.

Впрочем, как известно всякому потребителю ПАВ, потребление невозможно без прекращения. Ты одновременно юзаешь и бросаешь, отказ — ключевая часть процесса. Юзать — значит бросать. И именно желание бросить заставляет продолжать. Многие наркоблоги выстраиваются вокруг этой парадоксальной логики, продиктованной одновременно и невозможностью бросить, и невозможностью продолжать. «Бытие-на-наркотиках» как оно есть.

Но наркоанализ — это ведь, как уже сказано, не только и не столько про наркотики в их традиционном понимании. В конце концов, как декларирует Ронелл, роль наркотика может выполнять что угодно.

Тут открывается бесконечное пространство для споров о том, на чем же все-таки сидит российское общество: на мефе, прикопанном под деревцем в парке или приманиченном прямо к вашему подоконнику; на боярышнике, разведенном со скипидаром и «Кротом»; на конспирологических теориях о рептилоидах, с которыми испокон веков

ведут борьбу воображаемые славяно-арии; на забористых шоу Киселева и Соловьева про какую-то трубу, проржавевшую где-то в Украине; на передачах Андрея Малахова, предлагающего своим зрительницам и зрителям самую улетную аудиовизуальную дурь, вызывающую тяжелейшее привыкание у значительной части населения со всеми вытекающими последствиями.

Не нужно быть просветленным мудрецом, чтобы понять, что российский потребитель, как подлинный эстет, уделяет внимание всему понемногу: чуть-чуть солей с даркнета, чуть-чуть пробирающего до костей рычания самозванных экспертов, немного плана Даллеса, капельку того и сего ликера и снюс смерти, чтобы всё это, как говорится, заглянцевать.

Однако очевидно и то, что главное действующее вещество, на котором российское общество сидит уже довольно давно и плотно, — это запрет.

Да, вкусы наших соотечественниц и соотечественников разнообразны и утонченны, и даже подумать нельзя о том, чтобы свести их к некоему единому основанию. Но к запретам действительно мало кто равнодушен.

Сложно сказать, когда началась эта зависимость. Кто-то скажет, что в начале 2000-х, кто-то отошлет еще к советским или даже досоветским временам, кто-то подчеркнет важность развития событий после 2013 года, но так или иначе очевидно, что на запретах мы сидим уже довольно давно.

Естественно, что, как и любая другая форма зависимости, зависимость от запретов имеет свою траекторию раз-